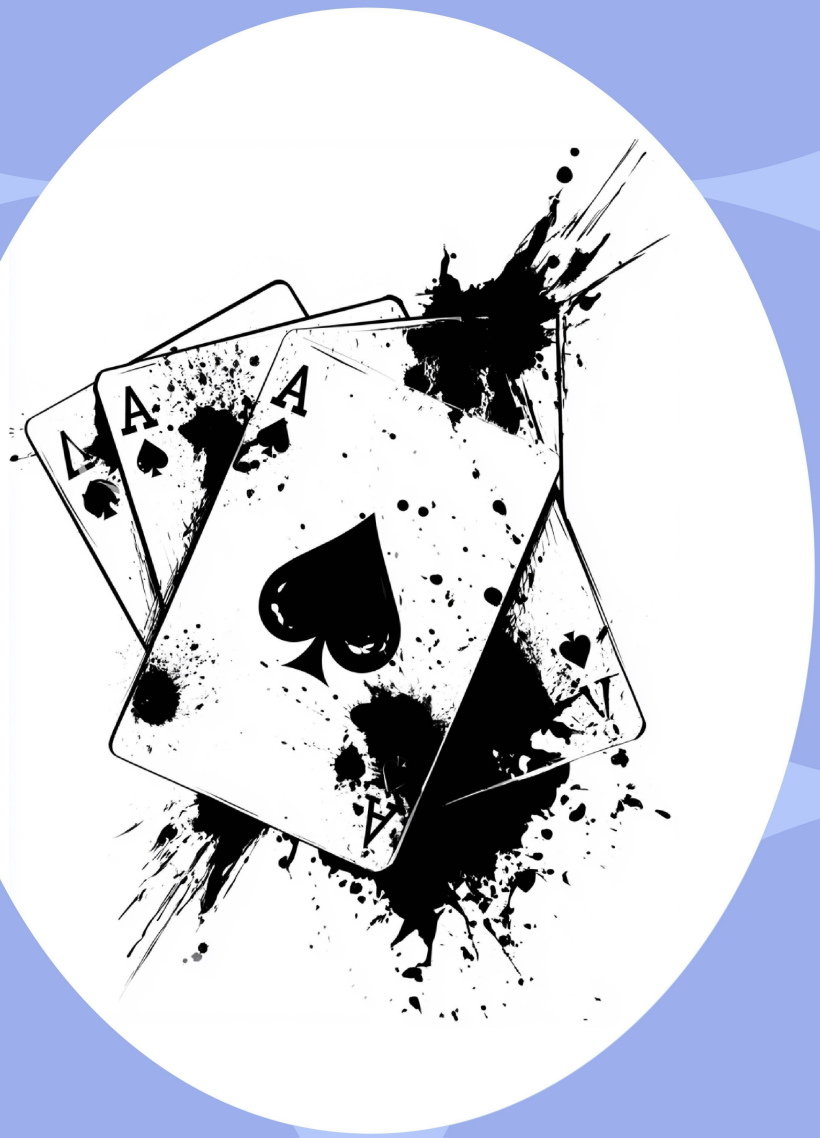
Литрес ≡ Классика

Роберт Льюис Стивенсон

КЛУБ САМОУБИЙЦ



Роберт Льюис Стивенсон

Клуб самоубийц

«ЛитРес»

1878

Стивенсон Р.

Клуб самоубийц / Р. Стивенсон — «ЛитРес», 1878

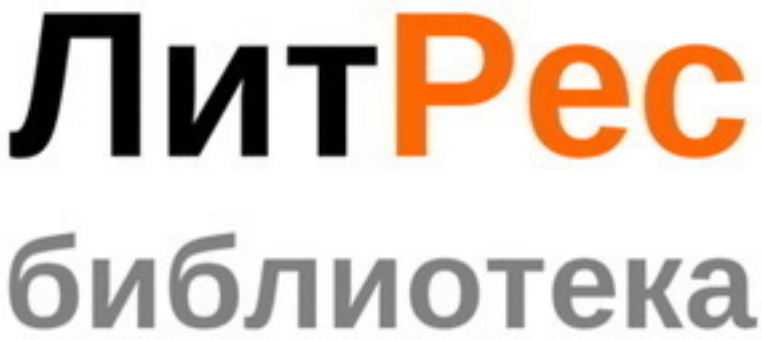
В ночном Лондоне, среди тумана и тайных пороков, действует закрытое общество, куда вступают отчаявшиеся – те, кто больше не дорожит жизнью. Его участников ждёт не просто тихая смерть, а жуткая лотерея, управляемая таинственным и безжалостным Председателем. Когда в эту игру втягивается переодетый принц Флоризель, он обнаруживает, что столкнулся не просто с клубком преступлений, а с холодным, почти философским злом, бросившим вызов самой идее человечности.

© Стивенсон Р., 1878
© ЛитРес, 1878

Содержание

Глава I 6
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Роберт Стивенсон
Клуб самоубийц



© «Литрес», 2026

Глава I
История одного молодого человека со сладкими пирожками



Проживая в Лондоне, благовоспитанный и безукоризненный принц Богемский, Флоризель, сумел привлечь к себе все общество своим приятным обращением и обдуманною щедростью. Уже судя по тому, что о нем было известно, принц Флоризель был человек замечательный, известно же о нем было очень немного сравнительно с тем, что он делал. Будучи в обыкновенной обстановке человеком характера спокойного и ровного, с очень несложной житейской философией, почти такой же, как у простого земледельца, принц Флоризель бывал иногда не прочь познакомиться и с другими дорогами жизни, более рискованными и опасными, чем тот путь, по которому ему от рождения назначено было идти. Случалось, что от скуки, когда ничего не шло интересного и веселого в лондонских театрах, или когда кончался спортивный сезон и принц не мог выступать в тех видах спорта, в которых привык одерживать верх над своими соперниками, он призывал к себе своего наперсника и шталмейстера полковника Джеральдина и приказывал ему готовиться к ночной прогулке. Шталмейстер был храб-

рый молодой офицер, склонный к приключениям. Он всякий раз с удовольствием встречал такое известие и сейчас же спешил приготовиться. Долгая практика и разнообразное знакомство с жизнью обучили его искусству переодеваться и гримироваться. Он мог приспособить не только свое лицо и внешность, но даже голос и мысли ко всякому положению, характеру и национальности. Этим путем он отвлекал внимание от принца, и в иностранных кружках его нередко принимали за своего. Полиция об этих приключениях ничего не знала, потому что оба проказника до сих пор выходили благополучно из всевозможных затруднительных положений, благодаря невозмутимому мужеству одного и ловкой изобретательности и рыцарской преданности другого. С течением времени они оба становились все смелее и самоувереннее.

В один дождливый мартовский вечер непогода загнала их в устричную лавочку по соседству с Лейчестерским сквером. Полковник Джеральдин был одет и загримирован газетным сотрудником средней руки, а принц, как всегда, наклеил себе большие брови и пару фальшивых бакенбард. Это придавало ему довольно неопрятный вид человека, потрепанного жизнью, делая его неузнаваемым даже для близких знакомых. В таком снаряжении принц и его наперсник сидели теперь и благодушествовали, попивая водку с содовой водой.

Публики в ресторане было много. Были и мужчины, и женщины. Завести разговор было с кем, но нашим авантюристам ни один из публики не казался достаточно интересным для более близкого знакомства. Очень уж была сера и непочтенна вся эта публика. Одни лондонские подонки! Принц уже начал зевать от скуки и почти уже решил, что экскурсия на сей раз не удалась, как вдруг распахнулись створчатые двери, и в ресторан вошел какой-то молодой человек, сопровождаемый двумя комиссионерами. Каждый комиссионер нес по большому блюду, покрытому крышкой. Они сняли разом обе крышки, и на блюдах оказались сладкие пирожки с кремом. Молодой человек стал обходить всех сидевших в зале, с необыкновенной учтивостью упрашивая их отведать пирожного. Иногда угощение принималось со смехом, а иногда от него отказывались наотрез и даже грубо. В таких случаях молодой человек съедал пирожок сам с каким-нибудь шутливым замечанием.

Наконец, он дошел до принца Флоризеля.

– Сэр, – обратился он к нему с необыкновенной учтивостью, держа между большим и указательным пальцами один пирожок, – не соблаговолите ли вы оказать честь совершенно незнакомому вам человеку? Я вполне могу поручиться за доброкачественность пирожного, потому что за сегодняшний вечер сам съел две дюжины штук и еще три штуки.

– Я обыкновенно интересуюсь не столько самим подарком, – возразил принц, – сколько целью, с которой он делается.

– Цель у меня, сэр, – отвечал с новым поклоном молодой человек, – просто посмеяться.

– Посмеяться? – переспросил Флоризель. – Над кем же или над чем?

– Я сюда пришел не для того, чтобы излагать свою философию, – отвечал молодой человек, – а чтоб раздать желающим эти пирожки с кремом. Скажу только, что я и самого себя охотно подвергаю при этом риску попасть в смешное положение. Надеюсь, что это вполне вас удовлетворит. Если же нет, то мне останется только съесть двадцать восьмой пирожок, хотя мне это уже и надоело, признаться сказать.

– Мне вас жаль, – сказал принц, – и я охотно избавлю вас от такой необходимости, но только с одним условием. Если я и мой друг съедим у вас по пирожку, а к этому у нас нет, в сущности, ни малейшей склонности ни у того ни у другого, то вы должны за это что-нибудь с нами сегодня отужинать.

Молодой человек как будто задумался.

– У меня еще несколько дюжин пирожного на руках, – сказал он, – и мне предстоит обойти много ресторанов, прежде чем я окончу свою задачу. На это потребуется время. Если вы очень проголодались…

Принц перебил его вежливым жестом.

– Мой друг и я – мы пойдем с вами оба, – сказал он, – потому что нас чрезвычайно заинтересовал ваш оригинальный способ проводить вечера. А теперь, когда условия мира выработаны, позвольте мне подписать договор за обоих.

С этими словами принц съел один пирожок с необыкновенно грациозной любезностью.

– Замечательно вкусно, – сказал он.

– Вижу, что вы знаток, – отвечал молодой человек.

Полковник Джеральдин также съел одно пирожное.

После того как угощение было предложено всем остальным посетителям, причем одни отказывались, другие принимали, молодой человек с кремовыми пирожками отправился в другой такой же ресторан. Оба комиссионера, по-видимому, совершенно освоившиеся со своей глупой ролью, вышли вслед за ним. Принц и полковник составили арьергард и пошли под руку, улыбаясь друг другу. В таком порядке компания обошла еще два трактира, в которых повторилась только что описанная сцена: одни отказывались, другие принимали неожиданное угощение, а молодой человек всякий раз съедал сам отвергнутый пирожок.

После выхода из третьего трактира молодой человек пересчитал свой наличный запас. На одном блюде оставалось шесть пирожков, на другом три, итого девять.

– Джентльмены, – сказал он, обращаясь к своим двум новым путникам, – мне очень не хочется задерживать ваш ужин. Я положительно уверен, что вы проголодались. Мне почему-то кажется, что вы имеете право на мое особенное уважение. Сегодня для меня великий день: сегодня я заканчиваю свою глупую карьеру нарочито глупейшим образом. В этот день я желаю быть приятным для всякого, кто оказал мне хоть малейшее доброжелательство. Джентльмены, вам больше не придется ждать. Хоть я и расстроил свое здоровье предшествующими излишествами, я все-таки, рискуя жизнью, немедленно ликвидирую связывающее нас условие.

С этими словами он принялся пихать себе в рот и есть один за другим оставшиеся пирожки. Потом он обернулся к комиссионерам и дал им каждому по два соверена.

– Вот вам за ваше изумительное терпение, – сказал он и отпустил их с поклоном.

Несколько секунд он глядел на свой кошелек, из которого только что выдал деньги своим ассистентам, потом рассмеялся и бросил его на самую середину улицы.

– Ну-с, джентльмены, я готов, – сказал он.

Компания зашла в небольшой французский ресторанчик в Сото, который пользовался одно время громкой, но совсем незаслуженной славой и вскоре был совсем забыт, и заняла отдельный кабинет во втором этаже. Там трем собеседникам подан был изящный ужин, который они облили тремя или четырьмя бутылками шампанского, беседуя о разных посторонних вещах. Молодой человек был весел и разговорчив, но смеялся чересчур громко для человека из хорошего общества. Его руки сильно дрожали, а в голосе слышались порою какие-то неестественные ноты, с которыми он, видимо, не мог справиться. Убрали десерт. Все трое закурили сигары. Принц обратился к молодому человеку и сказал:

– Я уверен, что вы простите мне мое любопытство. То, что я от вас видел, мне очень понравилось, но и очень смутило меня. Хоть это и будет с моей стороны нескромностью, но я все-таки скажу, что мой друг и я – такие люди, которым вполне можно доверить тайну. У нас у самих имеется много такого, о чем мы не хотели бы, чтобы знали другие. Посторонние уши от нас лишнего не услышат. Если, как я предполагаю, вы наделали каких-нибудь глупостей, то вам с нами нечего стесняться: больше нас двоих, кажется, никто во всей Англии глупостей не натворил. Меня зовут Годол, Теофилюс Годол, а это мой друг – майор Альфред Гаммерсмит. По крайней мере, он желает, чтобы его знали под этим именем. Мы всю свою жизнь только и делаем, что ищем самых невероятных приключений, и чем приключение невероятнее, тем скорее оно способно вызвать нашу симпатию.

– Вы мне очень нравитесь, мистер Годол, – отвечал молодой человек. – Вы внушаете мне невольное доверие. Против вашего друга майора я тоже ничего не имею. Мне он кажется знатным лицом, только переодетым. Во всяком случае, я уверен, что он не солдат.

Полковник улыбнулся на этот комплимент своему искусству переодеваться, а молодой человек продолжал с воодушевлением:

– Именно поэтому мне бы и не следовало рассказывать вам свою историю. Но, быть может, именно эта самая причина и побуждает меня вам ее рассказать. По крайней мере, я вижу, что вы совсем приготовились выслушать рассказ про мои глупости, и я не в силах причинить вам разочарование. Своего имени, вопреки вашему примеру, я вам не скажу. От предков своих я произошел самым обыкновенным путем и получил от них в наследство триста фунтов годового дохода. Сколько мне лет – это тоже неинтересно. От предков же, по-видимому, я унаследовал и легкомысленный нрав. Воспитание я получил хорошее. Умею играть на скрипке почти настолько хорошо, что мог бы зарабатывать себе деньги службой в неперволассных оркестрах. То же замечание можно отнести к флейте и к корнет-а-пистону. Играть в вист я научился настолько, что могу проигрывать около сотни фунтов в год в эту научную игру. Благодаря знанию французского языка, я мог в Париже мотать деньги почти с такой же легкостью, как в Лондоне. Словом, моя личность полна всевозможных совершенств. Приключения я испытал самые разнообразные, до дуэли из-за пустяка включительно. Два месяца тому назад я встретил молодую женщину, вполне подходящую к моему вкусу, как в нравственном, так и в физическом отношении. Мое сердце растаяло. Я увидал, что нашел, наконец, свою судьбу, и готов был совсем влюбиться. Но когда я сосчитал, сколько осталось у меня от моего капитала, то оказалось, что меньше четырехсот фунтов. Скажите, я вас прошу: разве может уважающий себя человек пускаться в любовь, имея за душой всего только четыреста фунтов? Я нашел, что нет. Но уже одно присутствие моей очаровательницы ускорило таяние моих денег, и сегодня утром я дошел до остатка в восемьдесят фунтов. Эту сумму я разделил на две равные части: сорок предназначил для одного определенного дела, а другие сорок истратил сегодня все до наступления ночи. День я провел очень интересно, устроил много всяких штук помимо известного уже вам фарса с пирожками, доставившего мне счастливый случай с вами познакомиться. Все это я проделал для того, чтобы завершить безумным концом безумно прожитую жизнь. Когда я у вас на глазах выбрасывал кошелек на мостовую, в нем ничего не было. Теперь вы знаете меня так же хорошо, как я сам себя знаю: безумец, но в своем безумии последователен и постоянен и, кроме того, могу вас в этом уверить, не нюня и не трус.

Все это было рассказано горьким тоном, который свидетельствовал о том, что молодой человек глубоко сам себя презирает. Слушатели пришли к заключению, что его любовный роман задел его сердце гораздо сильнее, чем он в этом сам себе признается. Пирожки с кремом – это фарс, которым прикрыта трагедия.

– Не странно ли, – сказал Джеральдин, переглянувшись с принцем Флоризелем, – что простая случайность свела нас троих вместе в этой громадной пустыне, именуемой Лондоном, и что мы все трое находимся приблизительно в одинаковом положении?

– Как? – воскликнул молодой человек. – Разве вы тоже разорились? Значит этот ужин – то же самое, что и мои пирожки с кремом? Значит, это сам черт свел здесь трех своих клиентов для последней пирушки?

– Черт, сказать к слову, поступает иногда замечательно по-джентльменски, – возразил принц Флоризель. – И я очень рад такому совпадению. Мы с вами находимся еще не в совершенно одинаковых условиях, но я сейчас уничтожу остающееся неравенство. Я возьму с вас пример и поступлю совершенно так же, как поступили вы, когда доели свои кремовые пирожки.

Принц достал из кармана кошелек и вынул из него небольшую пачку банковских билетов.

– Вы видите, я от вас отстал, но я собираюсь вас догнать, и мы придем к выигрышному столбу голова в голову, – продолжал он. – Вот этого будет достаточно для уплаты по счету, – прибавил он, кладя на стол один из банковских билетов, – а остальное…

Он бросил пачку в огонь, где она сгорела в одну минуту, и пепел унесся в трубу камина.

Молодой человек протянул было руку, но опоздал и не достал: ему помешал стол.

– Несчастный! – воскликнул он. – Что вы сделали? Не надо было жечь всего. Надобно было оставить сорок фунтов.

– Сорок? Почему именно сорок? – спросил принц.

– Почему не восемьдесят? – воскликнул полковник. – Насколько мне известно, в пачке было больше ста фунтов.

– Нужно было только сорок, – печально проговорил молодой человек. – Без этого взноса не примут. Правило соблюдается строго. Сорок фунтов с каждого. Проклятая наша жизнь! Порядочному человеку даже и умереть нельзя без денег.

Принц и полковник переглянулись.

– Объясните, в чем дело, – сказал полковник. – У меня в кармане бумажник цел, и в нем денег достаточно. Я охотно поделюсь с моим другом Годолом. Но я должен знать, на что это нужно. Расскажите нам, про что вы говорите.

Молодой человек точно проснулся от сна. Он тревожно поглядел на того и на другого и густо покраснел.

– Вы меня не морочите? – спросил он. – Вы вправду разорились, как и я?

– За себя скажу, – да, – отвечал полковник.

– А за себя я вам уж и доказательство дал, – сказал принц. – Кто, кроме разорившегося человека, станет жечь свои деньги? Поступок сам за себя говорит.

– Это может сделать также и миллионер, – подозрительно заметил молодой человек.

– Довольно, сэр, – сказал принц. – Я вам так сказал, и я не привык, чтобы в моих словах сомневались.

– Вы разорились, да? – сказал молодой человек. – Так же ли вы разорены, как и я? После беспечной жизни, наполненной удовольствиями, дошли ли вы до того, что можете доставить себе удовольствие только в одном? И готовы ли вы, – он понизил голос до шепота, – доставить себе это последнее на земле удовольствие? Готовы ли вы уйти от последствий своего безумия по единственной, имеющейся для этого верной дороге? Готовы ли вы впустить к себе чиновников шерифа вашей совести в единственную открытую дверь?..

Он вдруг круто оборвал свою речь и попробовал рассмеяться.

– Ваше здоровье, господа! – крикнул он, опустошая свой стакан. – И покойной ночи, веселые разоренные люди!

Он собрался встать, но полковник удержал его за руку.

– Вы нам не доверяете, – сказал он, – но это совершенно напрасно. – На все ваши вопросы я даю вам утвердительный ответ. Я не из робких и готов сейчас же все объяснить начистоту хоть самой английской королеве. Да, нам совершенно так же, как и вам, надоела жизнь, и мы решили умереть. Раньше или позже, вместе или в одиночку, но мы надумали разыскать смерть и схватить ее там, где она окажется под рукой. Теперь вот мы встретили вас, и ваше дело оказалось более спешным. Хотите сегодня ночью? Хотите в одно время все втроем? Подумайте, как интересна будет эта наша тройка голяков, вступающих рука об руку в царство Плутона и друг друга там поддерживающих!

Джеральдин, говоря это, до такой степени вошел в свою роль, что даже сам принц смутился и с некоторым сомнением поглядел на своего друга. А молодой человек опять покраснел, и глаза его засверкали.

– Вот мне именно таких и нужно, как вы! – вскрикнул он с какой-то особенно трагической, жуткой веселостью. – Значит, по рукам? – Рука у него была холодная и мокрая. – Вы

немножко уже знаете того, с кем вам предстоит пойти в путь-дорогу. Вы немножко уже знаете, в какую удачную для себя минуту вы приняли участие в моем приключении со сладкими пирожками. Я только единица, но я единица в целом войске. Мне известен особый ход в жилище смерти. Я один из ее близких клиентов и могу показать вам вечность без особых церемоний и без огласки.

Они с настойчивым любопытством потребовали у него объяснений.

– У вас у двоих найдется восемьдесят фунтов? – спросил он.

Джеральдин с хвастливым видом заглянул в свой бумажник и дал утвердительный ответ.

– Вот и прекрасно! – воскликнул молодой человек. – Вы счастливцы! Сорок фунтов – вступительный взнос в клуб самоубийц.

– Это что же за чертовщина такая – клуб самоубийц? – спросил принц.

– А вот послушайте, – сказал молодой человек. – Наш век – век всевозможных приспособлений и удобств, и я вас познакомлю с одним из самых последних усовершенствований. У нас дела в разных местах – и вот по этой причине изобретены железные дороги. Железные дороги разлучают нас с нашими друзьями – и вот к нашим услугам телеграфные линии, посредством которых мы можем быстро соединиться друг с другом через громадные расстояния. В гостиницах к нашим услугам подъемные машины, избавляющие нас от труда ходить по сотням ступеней. Мы знаем, что жизнь еще поприще, на котором нам бы хотелось подвизаться только до тех пор, пока нам это нравится, пока нам это доставляет удовольствие. Среди совокупности удобств, составляющих современный комфорт, недостает пока только одного удобства: нет приличного и мягкого пути, чтобы в любое время удалиться с жизненного поприща; нет лестницы, ведущей к свободе; нет особого хода в жилище смерти, как я только что выразился. Этот недостаток, любезные мои сотоварищи-горемыки, восполняется клубом самоубийц. Не воображайте, что мы с вами одни дошли до только что высказанного нами разумнейшего желания. Очень многим хотелось бы того же самого, но их удерживает от побега с жизненной каторги одна из двух причин. У одних есть семьи, на которых отразится стыд общественного порицания самоубийцы, а им этого не хочется. У других не хватает духа вообще, и они отступают перед самой обстановкой смерти. Взять хоть меня. Я решительно не в силах приставить себе к виску пистолет и спустить курок. Словно кто-то сильнейший, чем я, удерживает мою руку и мешает мне, и хотя мне безусловно надоела жизнь, но в теле у меня не находится достаточно силы для того, чтобы схватить смерть за волосы и притащить к себе. Для таких, как я, а также и для тех, которые желали бы уйти из жизни без последующей огласки, вот и учрежден клуб самоубийц. Как он управляется, какова его история, какие у него отделения в других странах – об этом я сам не имею сведений, а того, что мне известно о его устройстве, я не имею права вам сообщить. За исключением этого, во всем остальном я к вашим услугам. Если вам, действительно, надоела жизнь, то я могу сегодня же ночью отвести вас на собрание в клуб, и если не в эту же ночь, то самое большее в течение недели вы оба будете избавлены от тяжести существования. Теперь ровно одиннадцать (он посмотрел на свои часы). Самое позднее через полчаса мы должны будем уйти отсюда, так что вот у вас какой срок для того, чтобы окончательно обсудить мое предложение. Это будет посерьезнее пирожного с кремом, – прибавил он с улыбкой, – и, я полагаю, много приятнее.

– Серьезнее, это верно, – отвечал полковник Джеральдин, – так что я попрошу у вас дать мне пять минут для разговора наедине с моим другом мистером Годолом.

– Очень хорошо, – отвечал молодой человек. – С вашего позволения, я выйду на это время.

– Вы нас очень этим обяжете, – сказал полковник.

Как только они остались вдвоем, принц Флоризель сказал:

– Что выйдет из всей это чепухи, Джеральдин? Я вижу, вы смущены и взволнованы, но я совершенно спокоен. Мне хочется посмотреть, чем все это может кончиться.

– Ваше высочество, – отвечал побледневший Джеральдин, – позвольте вам заметить, что ваша жизнь имеет значение не только для ваших друзей, но и для всего общества. Этот человек сказал: «если не в эту же ночь» – следовательно, сегодня же ночью с вашим высочеством может случиться непоправимое несчастье, а вы подумали ли, в каком отчаянии буду тогда я, и как это несчастье отразится на целой нации?

– Мне хочется посмотреть, чем все это может кончиться, – повторил принц самым решительным тоном, – и прошу вас, полковник Джеральдин, вспомните данное вами честное слово джентльмена и держите его. Не забывайте, пожалуйста, что вы не должны без моего специального разрешения открывать кому-либо и при каких бы то ни было обстоятельствах мое инкогнито. Таков мой приказ, который я вам здесь повторяю. А теперь, – прибавил он, – позвольте вас попросить распорядиться, чтобы подали счет.

Полковник Джеральдин поклонился с послушным видом, но он был совершенно бледен в лице, когда звал обратно молодого человека с кремовыми пирожками и требовал от официанта счет. Принц держал себя совершенно невозмутимо и с большим юмором и вкусом пересказал молодому самоубийце один пале-рояльский фарс. С полковником Джеральдином он старался не встречаться глазами и выбрал себе другую сигару с преувеличенным старанием. Из всей компании он был, безусловно, единственным человеком, сохранившим полное самообладание и не дававшим воли своим нервам.

По счету заплатили. Принц оставил изумленному официанту всю сдачу с банковского билета. Все трое сели в кэб и уехали. Вскоре кэб остановился у ворот полутемного двора. Тут все вышли из экипажа.

Джеральдин расплатился с извозчиком, а молодой человек сказал принцу Флоризелю:

– Мистер Годол, у вас еще есть время вернуться опять в рабство. Это и к вам относится, майор Гаммерсмит. Подумайте еще раз хорошенько, прежде чем сделать следующий шаг. Если сердца ваши говорят нет, то ведь отсюда дорог много.

– Ведите нас, сэр, – отвечал принц. – Я не из тех людей, которые легко берут назад свои слова.

– Я в восторге от вашего хладнокровия, – сказал проводник. – Никогда еще я не видел человека, который бы оставался так спокоен в подобной обстановке. Многие из моих друзей уже успели раньше меня уйти туда, куда я сам скоро последую за ними – это я знаю. Но это для вас неинтересно. Подождите меня здесь несколько минут. Я вернусь сейчас же, как только подготовлю ваше вступление к нам.

С этими словами молодой человек, махнув рукой своим товарищам, вошел в ворота, потом в подъезд и скрылся.

– Из всех ваших проказ это самая чудовищная и опасная, – тихим голосом заметил полковник Джеральдин.

– Я начинаю сам так думать, – отвечал принц.

– У нас осталось несколько свободных минут, – продолжал полковник. – Умоляю ваше высочество воспользоваться случаем и уйти. Последствия этого шага до такой степени загадочны и темны, они могут оказаться до такой степени серьезными, что я решаюсь даже зайти дальше обыкновенного в той свободе обращения с вами, которую вы мне дозволили в частном обиходе.

– Должен ли я понять это в том смысле, что полковник Джеральдин испугался? – спросил его высочество, вынимая изо рта сигару и острым взглядом пронизывая лицо полковника.

– Разумеется, я боюсь, но только не за себя лично, – гордо отвечал полковник. – В этом вы, ваше высочество, можете быть уверены вполне.

– Я так и предполагал, – отвечал с невозмутимым благодушием принц, – но только мне не хотелось напоминать вам разницу между мною и вами… Довольно, довольно, ни слова

больше! – прибавил он, заметив, что полковник Джеральдин собирается оправдываться. – Охотно извиняю.

И он продолжал спокойно курить, прислонившись к решетке и дожидаясь возвращения молодого человека. Когда тот вернулся, принц спросил:

– Ну что же, примут нас или нет?

– Идите за мной, – был ответ. – Председатель клуба просит вас к себе в кабинет. Предупреждаю вас, чтобы вы отвечали ему вполне откровенно на его вопросы. Я за вас хоть и поручился, но клуб наводит всегда тщательные справки о каждом вступающем, потому что малейшей нескромности кого-нибудь из членов общества он может вдруг оказаться закрытым навсегда.

Принц и Джеральдин на минуту подняли друг на друга головы.

– Поддерживайте меня, – сказал один.

– А вы меня, – сказал другой.

В один миг они пришли к соглашению и были готовы идти за своим проводником к председателю клуба.

Добраться до председателя было не особенно трудно. Входная дверь была открыта совсем, а дверь в председательский кабинет стояла приотворенной. В этой небольшой, но очень высокой комнате молодой человек снова оставил их одних.

– Председатель сейчас придет, – сказал он, уходя и кивнув на прощанье головой.

Через двустворчатую дверь в кабинет доносились из соседней комнаты голоса. Потом там хлопнула пробка шампанского. Послышался взрыв смеха поверх гула разговоров. Единственное большое окно кабинета выходило на реку и на плотину, и по расположению фонарей принц и полковник догадались, что дом находится недалеко от Чэринг-Кросского вокзала. Мебель была очень скудная с протертой до нельзя обивкой. Посредине стоял круглый стол со звонком, по стене висели на деревянных вешалках верхние пальто и шляпы.

– В какой это вертеп мы попали? – сказал Джеральдин.

– За этим-то я и пришел, чтобы посмотреть, – возразил принц. – Если окажется, что они держат здесь у себя живых чертей, то для нас будет тем забавнее.

Двустворчатая дверь отворилась и пропустила человека. С ним вместе ворвался в комнату гул голосов. Перед посетителями стоял сам страшный председатель клуба самоубийц. Ему было на вид лет пятьдесят или больше. Он вошел размашистой походкой. На щеках у него были густые бакенбарды, на голове, на самой маковке, большая лысина. Серые глаза были прищурены, но в них временами сверкал яркий блеск. Во рту он держал сигару, передвигая ее все время губами и языком то направо, то налево. На нем был светлый костюм, из-под которого виднелся широкий полосатый воротник сорочки. Под мышкой у него была записная книга. Он окинул незнакомцев пронзительным взглядом и сказал, закрывая за собой дверь:

– Добрый вечер! Мне сказали, что вы желаете со мной поговорить.

– Мы желаем, сэр, записаться в клуб самоубийц, – ответил полковник.

Председатель повертел несколько раз сигару во рту.

– Что такое? – резко переспросил он.

– Извините, сэр, но я полагал, что вы именно то лицо, которое может нам дать об этом клубе более подробные сведения, – отвечал полковник.

– Я? – вскричал председатель. – О клубе самоубийц? Понимаю. Это очень резвая шалость по случаю «дня всех безумцев». Я могу охотно простить ее двум джентльменам, повеселевшим от хорошей выпивки, но все-таки, господа, надобно на этом и кончить.

– Называйте ваш клуб, как хотите, – сказал полковник, – но только за этими дверями у вас собралась компания, и мы желаем к ней присоединиться.

– Сэр, вы ошиблись, – коротко возразил председатель. – Это совершенно частная квартира, и вам следует немедленно ее оставить.

Во время этого короткого разговора принц спокойно ждал на своем стуле. Полковник обернулся к нему и посмотрел, как бы говоря взглядом: «отвечайте и уходите ради самого Бога!» Тогда принц вынул изо рта сигару и сказал:

– Я пришел сюда по приглашению одного из ваших, с которым познакомился. Вероятно, он вам уже сообщил о моем намерении поступить к вам в члены. Позвольте вам напомнить, что с лицом в моем положении нельзя поступать так грубо. Обыкновенно я человек очень смирный, но позвольте вам сказать, любезный сэр, что вы или должны сделать для меня то, о чем вам уже было сказано, или вам придется горько раскаяться в том, что вы продержали меня у себя в передней.

Председатель громко рассмеялся.

– Вот это настоящий разговор, – сказал он. – И вы настоящий мужчина, какими все должны быть. Вы нашли дорогу к моему сердцу и можете теперь делать со мной что хотите. Будьте любезны, – обратился он к полковнику, – посидите несколько минут отдельно. Я сперва желаю кончить дело с вашим товарищем, а некоторые наши клубные формальности требуют непременно небольшой секретной беседы с каждым вступающим новым лицом.

С этими словами он отворил дверь в маленький кабинетик и ввел туда полковника.

– Вам я верю, – сказал он Флоризелю, как только они остались одни, – но уверены ли вы в своем друге?

– Не настолько, как в самом себе, хотя у него есть еще более сильные побуждения, чем у меня, – отвечал Флоризель, – принять его в члены можно совершенно безопасно, за это я, безусловно, ручаюсь. Самый упрямый человек не согласится остаться в живых при таких условиях, какие сложились у него. Он уличен в нечистой игре в карты.

– Да, могу и я сказать, это очень важная причина, – заметил председатель. – У нас есть еще один с таким же случаем, и я в нем уверен вполне. А вы сами служили в военной службе, позвольте вас спросить?

– Служил, – отвечал принц, – но уже давно ее оставил: я слишком ленив.

– А вам самим почему, собственно, надоело жить? – продолжал председатель.

– Я разорился, а работать не могу и не умею, – отвечал принц. – Я неисправимый лентяй.

Председатель опешил.

– Но ведь этого же очень мало, – сказал он.

– У меня нет ни копейки денег, – поспешил добавить Флоризель, – совершенно ничего нет. При моей лени это – полнейшая гибель.

Председатель несколько минут повертел во рту свою сигару, пуская дым прямо в глаза кандидату в члены клуба, но тот выдержал это испытание, нисколько не смущаясь.

– Если бы у меня не было такой опытности, – сказал, наконец, председатель, – то я бы должен был вам отказать. Но я знаю хорошо свет. Я знаю, что пустые причины оказываются в таких случаях самыми сильными. И когда мне кто-нибудь так понравится, как понравились вы, сэр, то я всегда предпочитаю сделать отступление от устава, чем отказать такому человеку.

Принц и полковник, один после другого, подверглись длинному и подробному допросу. Принц допрашивался наедине, а Джеральдин в присутствии принца, так что председатель клуба мог следить за выражением лица первого, когда второй находился под усиленным перекрестным допросом. Результат получился удовлетворительный. Председатель записал в книгу краткие сведения об обоих вступающих и предложил им подписать клятвенное обещание. Вступающие давали присягу на пассивнейшее, безусловное повиновение, и за малейшее нарушение присяги им грозила самая полная потеря чести и не оставлялось ни малейшего утешения от религии. Флоризель подписал присягу, но не без содрогания, а полковник последовал его примеру, имея совершенно убитый вид. Тогда председатель принял от них вступительный взнос и без дальнейших церемоний ввел их в курительную комнату клуба самоубийц.

Курительная комната клуба самоубийц была одинаковой высоты с кабинетом, из которого в нее вела дверь, но гораздо больше, и оклеена бумажными обоями под дуб. В комнате ярко топился камин, и горели многочисленные газовые рожки. Присутствующих членов принц и полковник насчитали около восемнадцати. Почти все они курили и пили шампанское. Царила лихорадочная веселость, но с внезапными мрачными паузами.

– Тут все в сборе? – спросил принц.

– Нет, половина только, – ответил председатель. – Если у вас есть деньги, то обычай требует, чтобы вы угостили шампанским. Оно, во-первых, отлично поднимает у всех дух, а во-вторых, дает мне некоторый побочный доход.

– Гаммерсмит, распорядитесь шампанским, – сказал Флоризель.

Он повернулся и начал обходить всех присутствующих. Привыкнув к роли хозяина в самом высшем кругу, он очаровывал и покорял каждого, к кому подходил и с кем разговаривал. В его обращении было вообще что-то властное, подчиняющее, а его необыкновенная холодность в особенности должна была импонировать такому полусумасшедшему обществу. Переходя от одного к другому, Флоризель пристально глядел и внимательно слушал, что говорилось кругом, так что очень скоро он составил себе полное представление об обществе, в котором теперь находился. Как и во всех подобных собраниях, преобладал один тип: самая зеленая молодежь, с наружностью вполне интеллигентной, но с очень малыми признаками силы и тех качеств, которые дают человеку успех. Почти не было никого старше тридцатилетнего возраста, зато было много таких, которые не достигли еще и девятнадцати лет. Они стояли, облокачиваясь на стол и переминаясь на ногах; курили нервно, сильно затягиваясь и часто бросая сигары. Некоторые разговаривали, как следует, но разговор большинства являлся прямым результатом нервного возбуждения и был какой-то бессмысленный и бессодержательный. Всякий раз, когда приносили новую бутылку шампанского, все оживлялись и становились веселее. Сидели только двое – один на кресле в углублении окна, низко опустив голову и глубоко засунув руки в карманы, а другой на большом диване около камина, причем он обращал на себя внимание своим резким несходством с окружающими. Ему было, вероятно, лет сорок с небольшим, но он казался, по крайней мере, лет на десять старше. Флоризель подумал, что он никогда, кажется, не встречал человека, более некрасивого от природы и более истощенного болезнями и излишествами. Это были только кожа да кости, причем часть тела была в параличе. На глазах у него были очки такой необыкновенной силы, что зрачки сквозь стекла казались непомерно увеличенными и совершенно искаженными. Кроме принца и председателя клуба, он один из всех остальных держал себя совершенно спокойно и с достоинством, как в обыкновенной жизни.

Члены клуба, нельзя сказать, чтобы держали себя особенно прилично. Одни хвастались некрасивыми поступками, которые их довели до необходимости искать себе убежища в смерти, а другие слушали без малейшего неодобрения. Относительно нравственных суждений в клубе установилось безмолвное соглашение. Вступающий в клуб получал право на невменяемость, как в могиле. Пили за будущую память друг о друге, пили в память знаменитых самоубийц в прошлом. Высказывались различные взгляды на смерть: одни находили, что смерть есть не более как мрак и прекращение всего; другие надеялись, что среди этого мрака совершится восхождение к звездам и общение с могуществом святых.

– За вечную память барона Тренка, образцового самоубийцы! – воскликнул кто-то. – Из тесной кельи он перешел в еще теснейшую, а оттуда к свободе.

– Я бы желал только ничего не видеть и не слышать, – сказал другой. – Глаза завязать, а уши заткнуть ватой. Но только на свете не найдется для этого достаточно ваты.

Третий говорил о тайнах будущей жизни, четвертый уверял, что никогда не вступил бы в этот клуб, если бы не начитался Дарвина.

– Я Дарвину верю и никак не могу смириться с фактом, что я произошел от обезьяны, – говорил этот замечательный самоубийца.

В общем, принц был сильно разочарован манерами и разговорами членов клуба.

– По-моему, – говорил он про себя, – тут совершенно не из-за чего так много волноваться. Раз человек решил покончить с собой, предоставьте ему, ради Бога, сделать это по-джентльменски. А эти все волнения и глупые разговоры я нахожу совершенно неуместными.

Тем временем полковник Джеральдин предавался самым мрачным опасениям. Клуб и его правила оставались для него еще тайной, и он беспокойно оглядывал всю комнату, подыскивая, кто бы мог ему все как следует объяснить. Тут он случайно взглянул на разбитого параличом господина в сильных очках. Заметив, что этот господин держит себя очень спокойно, полковник попросил председателя, который хлопотливо то входил, то выходил из комнаты, представить его джентльмену на диване. Председатель хотя и заметил полковнику, что в здешнем клубе такие формальности совершенно излишни, однако, представил мистера Гаммерсмита мистеру Мальтусу.

Мистер Мальтус с любопытством поглядел на полковника и пригласил его сесть с собой рядом по правую руку.

– Вы только что поступили и желаете ознакомиться с клубом? – сказал он. – Вы как раз подошли к настоящему источнику. Я здесь уже давно. Вот уже два года, как я в первый раз посетил этот очаровательный кружок.

Полковник перевел дух. Ему стало легче дышать. Если мистер Мальтус ходит сюда вот уже два года, следовательно, принц не подвергается особенно большой опасности в один вечер. Но Джеральдин все же был удивлен и подумал, нет ли тут мистификации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.